

Маргарита Чайка

(г. Москва)

Путешествие с «*Bisame mucho*»: размышления о новой книге В. П. Леонова

(*Леонов В. П. Bisame mucho: путешествие в мир книги, библиографии и библиофильства / В. П. Леонов; Научный совет РАН «История мировой культуры»; Библиотека РАН. – М. : Наука, 2008. – 268 с.*)

«Итак, чтение есть творчество, «настройка» души читателя на «волну» автора. Истинно талантливое произведение наполнено множеством смыслов. При повторном чтении оно вызывает новые мысли и ассоциации. В этом главное назначение искусства. Резонанса ищут обе стороны. Душа автора обращается к мысленному читателю, и читатель откликается на его призыв своей душой...»

В. П. Леонов. «Bisame mucho».

Согласно теории Ю. А. Шрейдера (1927–1998), неуважительно названной им самим «доморощенной», есть литература двух типов: «литература протеза, действующая на сознание», и «литература магического кристалла, действующая на чувства, дающая новое видение мира»¹. Книги В. П. Леонова, несомненно, относятся ко второму типу. Они привлекают читателя своей незаурядностью, которая проявляется во всем: в выборе темы, смелости выдвигаемых теорий, оригинальном стиле изложения материала, нетривиальности выводов. Его новая книга «*Bisame Mucho*», вышедшая в издательстве «Наука», не является исключением. Читая ее, чувствуешь, как твои собственные мысли набирают высоту...

Творческое вдохновение автора, как ясно из названия книги, порождено мелодией *Bisame mucho* – одним из «самых замечательных музыкальных сочинений, созданных человеком». «*Bisame mucho* – имя мелодии, рождающей... порыв и жажду познания» (с. 6).

«Одна из тайн творчества, – пишет В. П. Леонов, – предполагает способность, умение... вместить весь необъятный мир с его прошлым, настоящим и будущим в свернутые формы». Продукт творчества – концентрат времени и пространства. Точка, завершающая текст книги, – проекция стрелы, попавшей в цель, «и с тех пор летящей вечно» (с. 7), символ предельной концентрации Вселенной. При чтении концентрат времени и пространства, сжатый в мизерном зернышке протоматерии, превращается во всеобъемлющий Космос. Возникает эффект с и м у л ь т а н н о с т и : в момент чтения на данной странице оживают события, происходившие в разных географических точках и в разные временные эпохи. Отсюда – впечатление распаханности, открытости текста, безмерной его широты.

Книга В. П. Леонова может быть охарактеризована как с в е р х т е к с т . Существующий рядом с понятиями «интертекст» и «гипертекст», термин «сверхтекст» уступает им в популярности, но становится все более употребимым как своего рода научная метафора и, как правило, прилагается к текстам центрически организованным, обладающим выраженным внутренним центростремитель-

¹ Шрейдер, Ю. А. Из переписки Ю. А. Шрейдера с И. Л. Полотовской / [публ. И. Л. Полотовской] // Научно-техн. информация. – Сер. 2. – 2008. – № 9. – С. 10.

ным движением: в своей развертке они устремлены не только во внеположенную по отношению к ним словесную текстовую сферу, но и в область культуры, взятой в самых разных проявлениях². Отношение В. П. Леонова к тексту как к феномену культуры предопределило вхождение текста книги в глубинные пласты библиографии, книговедения, литературоведения, истории, психологии и космологии, организацию текста через систему взаимосвязанных текстов.

Каждый свертхтекст имеет свой образно и тематически обозначенный центр. В роли такого центра для книги В. П. Леонова выступает идея общекультурной значимости: книга бесконечна и вечна, как бесконечна и вечна мелодия *Būsate mucho*. «За книжными знаками скрывается бесконечность» (с. 26).

В моем представлении «*Būsate mucho*» В. П. Леонова – «магический театр», описанный Г. Гессе в романе «*Степной волк*», где можно, подобно шахматным фигурам, группировать и переставлять различные грани своего «Я», заново прожить не одну, а несколько жизней. Иными словами, свободно путешествовать во времени, пространстве, информации.

Для того, чтобы ориентироваться в свертхтексте «*Būsate mucho*», необходимо приложить некоторые усилия: «подключить» собственное воображение, память, жизненный и профессиональный опыт – так вслед за автором мы воссоздаем замысел книги. Воплощаем в себе. И, в конечном счете – воплощаем себя.

«*Būsate mucho*» наполнена множеством смыслов, и каждый читатель открывает для себя свой, неповторимый. Среди разнообразия сюжетов, предлагаемых автором («нити памяти и пространство книжной культуры», «чтение как путешествие души», «о личности и мастерстве библиографа», «правило Резерфорда», «„пржекторная“ теория науки», «книга как космический субъект и врожденная программа человека» и др.) каждый

² См., напр.: Лошаков, А. Г. Свертхтекст как словесно-концептуальный феномен : монография / Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова». – Архангельск : Поморский ун-т, 2007. – 342 с.; Меднис, Н. Е. Свертхтексты в русской литературе. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета, 2003. – 170 с.; Купина, Н. А. Свертхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 215–221.

находит свой сюжет, отвечающий его интересам и созвучный его мыслям. «*Būsate mucho*» уникальна по своей насыщенности интеллектуальной информацией. Порождаемые ею образы, ассоциации, аналогии неисчерпаемы, как неисчерпаемы образы, навеянные мелодией *Būsate mucho*, воплощающей «сгусток памяти, наполненный эхом и отголосками...» (с. 11).

Воплощая идею свертхтекста, В. П. Леонов апеллирует не только к текстам других авторов, но и к своим ранее вышедшим книгам. В совокупности с «*Būsate mucho*» они образуют единую систему. Так, вновь возвращаясь к теме профессионализма, подробно освещенной в книге «*Библиография как профессия*»³, автор размышляет о личности и мастерстве библиографа. С одной стороны, он поэтизирует профессию библиографа, находя в ней «и вызов, и дерзание приключения, и вдохновение искусства» (с. 66), с другой – с проницательностью истинного ученого – очень точно характеризует ее сущностные черты.

Библиограф становится профессионалом только тогда, когда он в совершенстве усвоит правила, овладеет методикой и секретами библиографического поиска. В. П. Леонов, выступая в поддержку высокого статуса профессии, оценивает мастерство библиографа как уникальное, несмотря на его кажущуюся легкость и доступность для других (с. 68). Данное противоречие ведет к распространению дилетантского подхода к процессам библиографического поиска, что губительно отражается на имидже профессии и обесценивает труд библиографа.

Поисковую проблему В. П. Леонов рассматривает в качестве центральной проблемы библиографии. Ведущую роль в поиске он отводит и н т е р п р е т а ц и и (с. 69). Как правило, определения библиографического поиска, встречающиеся в профессиональной литературе отличаются неполнотой: основной акцент в них делается на идентификации документа. Трактовка поиска В. П. Леоновым представляется мне наиболее точной. Библиографический поиск – это не только библиографическая и д е н т и ф и к а ц и я , но и

³ Леонов, В. П. Библиография как профессия : монография / Н. ц. исслед. истории кн. культуры. – М. : Наука, 2005. – 128 с. (Книжная культура в мировом социуме: теория, история, практика).

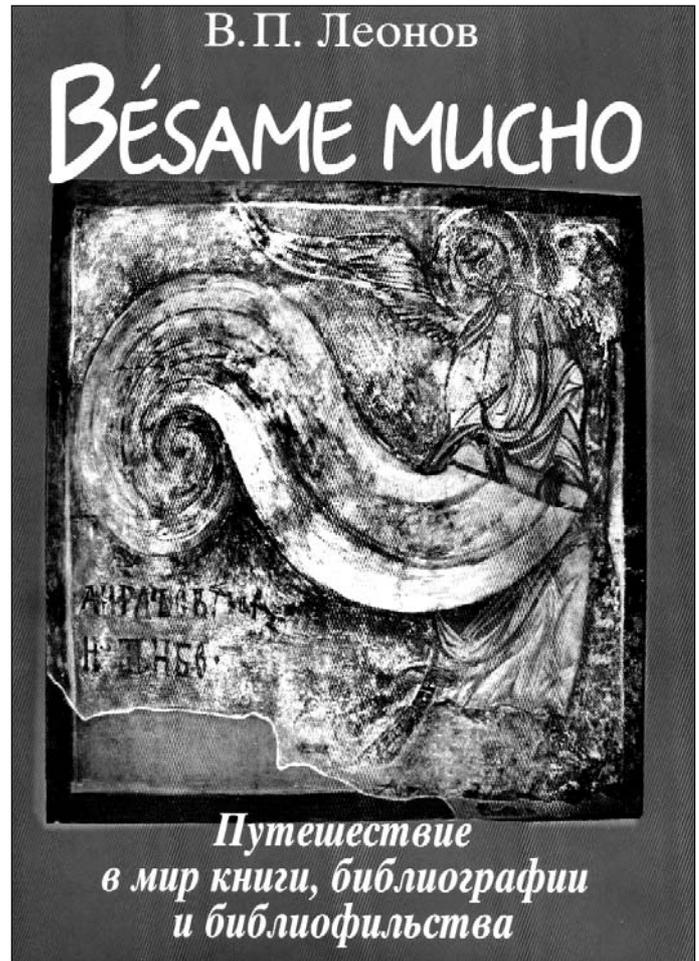
библиографическая интерпретация, предполагающая осмысление библиографической информации, установление ее смысла. «Библиографическая интерпретация, – пишет В. П. Леонов, – представляет собой особый вид мастерства. Это – профессиональное реагирование на информацию, в котором отражается психологическая особенность сознания библиографа» (с. 69). Добавлю: если бы библиографический поиск состоял только в идентификации, он при наличии средств автоматизированного поиска, мог бы успешно осуществляться без посредничества библиографа.

В. П. Леонов рассматривает технику библиографа в ее эволюционном развитии и выделяет четыре этапа профессиональной библиографической интерпретации: романтический, реалистический, прагматический и интеллектуальный («космический») (с. 71–73). Последний еще не наступил, но автор, опираясь на эволюционную теорию философа А. П. Назаретяна, прогнозирует его приход.

В. П. Леонов выделяет два типа книжников, библиотекарей, библиографов: «одни ведут кочевой образ профессиональной жизни, а вторые оседлый». «Оседлые книжники, – пишет он, – прочно «привязаны» к текстам, они живут в них, они в них существуют. Кочевой же стиль мышления направлен на поиски того, чего еще нет, но что будет – в книге и библиотеке будущего...» (с. 7–8). Здесь я невольно задумываюсь: к какому же типу библиографов принадлежу я? Скорее всего, к оседлому, т.е. я «живу» в текстах. Вместе с тем, я и «кочую» – внутри текстов, не выходя за их пределы. Это пространство огромно, и исследовать его можно бесконечно.

Особая чувствительность книжников (оседлых – к прошлому, кочевых – к настоящему), о которой пишет В. П. Леонов, проявляется через текст, через восприятие, знание и понимание книги как носительницы жизни, «духа» (с. 8–9).

Интересны размышления автора о роли метафоры в мыслительном процессе. Метафора «отвечает способности человека устанавливать и создавать сходство между очень разными субъектами и объектами» (с. 10). Библиографам свойственно метафорическое, ассоциативное мышление, пожалуй, в большей степени, чем людям других профессий. Метафора в музыке, искусстве, литературе отк-

рывает слушателю, созерцателю, читателю сокровенный смысл произведения – тот, который не выражен автором явно, и, более того, возможно, является невыразимым. В «Истории танго» Х. Л. Борхес (1899–1986) приводит слова О. Уальд (1854–1900) о том, что «музыка дарит нам наше собственное прошлое, о котором мы до этой минуты не подозревали, заставляя сожалеть об утратах, которых не было, и проступках, в которых неповинны»⁴.

Мелодия *Bísame mucho* прекрасна и, в то же время, тревожна. Вместе с ней к автору «книги-надежды» приходят сомнения и мучительные размышления о том, почему профессия книжника утратила авторитет: «Почему он оказался на краю? В чем была его ошибка?» (с. 15). В. П. Леонов высказывает предположение: профессия переживает переход к информационному обществу, от детства и отрочества к зрелости. Возможно, в процессе перехода профессия книжника обретет новые качества, которые будут способствовать установлению более совершенных, чем теперь, отношений между челове-

⁴ Борхес, Х. Л. История танго // Собр. соч. : в 4 т. – СПб., 2005. – Т. 1. – С. 115.

ком и миром знаний. Когда гусеница окукливается, чтобы стать бабочкой, она сплетает кокон и находится в нем до тех пор, пока ее тело не трансформируется. Все это время она там одна. Так и для «книжника» наступает состояние одиночества, перерождения, которое В. П. Леонов характеризует словами Р. М. Рильке: *«Во мне есть нечто такое, о чем я не знал. Все теперь уходит туда. Я не знаю, что там происходит»* (с. 9). Желание понять, что происходит, стало одним из побудительных мотивов написания книги. *Vísame mucho* – ключ, который помогает открыть таинственные двери будущего: через мелодию приобретает особая чувствительность к новой реальности и приходит вдохновение, необходимое для осуществления миссии книжного посланника Бога на Земле. Один из таких посланников – Иоганн Гутенберг (ок. 1396–1468), олицетворяющий, по мысли автора, новое сознание. С Гутенберга *«начинается общение человека печатной культуры со своей историей»* (с. 16).

Автор *«Vísame mucho»* настроен на исповедальное общение с читателем. Состояние исповедальности, по определению психологов, *«предполагает внутри себя в свернутом виде высокую степень рефлексивности; момент исповедального осознания содержит в себе как бы целокупность нескольких актов осознания, опосредующих друг друга: я сознаю себя как я есть, со своими проблемами; я сознаю это состояние как духовно и бытийно неполноценное; я стремлюсь разрушить, изжить эту неполноценность и сознаю свое стремление как истинное; я сознаю, что реализация моего стремления требует от меня сознательных усилий; я понимаю и принимаю, что мне не гарантирован успех моих усилий, но одновременно ощущаю в себе некую особую духовную энергию, называемую... н а д е ж д о й»*⁵. И автором *«Vísame mucho»* тоже движет надежда – на понимание, на вступление в диалог со своим читателем. В. П. Леонов трактует чтение как *«путешествие души»*. В языке книги душа обретает свое воплощение, и через чтение происходит движение души в пространстве книжного мира. Так обеспечивается связь времен (с. 45). Автор от-

правляется в путешествие через время и пространство для того, чтобы найти своего единомышленника – *«идеального читателя»* (с. 18).

Через книгу, мелодию и воспоминание В. П. Леонов стремится понять и самого себя. Размышляя о причине своего одиночества в профессиональной и академической среде, он предполагает, что преградой к сближению является несходство жизненных ценностей (с. 24). Он отстаивает положение о том, что библиотечные дисциплины должны входить в число академических, и ссылается на исторический опыт, который показывает, что эволюция книговедения, библиографоведения, библиотековедения шла в направлении формирования метанауки – универсальной науки, подобной философии. Придание библиотечным дисциплинам академического статуса способствовало бы развитию фундаментальных общетеоретических исследований и, в то же время, повысило бы престиж библиотечной профессии. Сегодня же доминирует так называемое мелкотемье: *«ковер распускается по ниточкам; одну за другой нити вытаскивают, разрывают, изучают»* (с. 30).

Переход к общетеоретическим исследованиям осуществляется через обобщение уже достигнутого. Изучение изучения – необходимый этап на пути перехода от частных проблем к общим. Полагаю, его результатом должен стать ответ на вопрос, поставленный В. П. Леоновым: *«Достаточно ли оснований предполагать, что имеющиеся сведения о происхождении книги, ее функциях и роли достоверны и основательны?»* (с. 31–32). Чтобы ответить, надо подняться на верхний этаж *«пятиэтажного здания современного института изучения книги и книжной культуры»*, выстроенного автором: здесь *«даются обоснования стратегии развития и адаптации книги к изменениям условий жизнедеятельности человека»* (с. 33); здесь находится преддверие будущих исследований, которые (в это хочется верить) подведут к объяснению закономерностей развития книжного мира.

Изучение изучения происходит через *в о с п о м и н а н и е*. *«Через воспоминание раскрывается искусство памяти. Начинается воспоминание, и начинаются поиски главной своей темы»* (с. 35). Она обозначена автором следующим образом: *интерпретация книги как космического субъекта* (с. 107–130).

⁵ Ибатуллина, Г. Исповедальное слово и экзистенциальный «стиль» [Электронный ресурс]: (Экзистенциальное сознание как неосуществленная исповедальность) // Открытая русская электронная библиотека : [сайт]. – Режим доступа: <http://orel.rsl.ru/nettext/russian/ibatullina/02.html>

Выдвигая нетривиальную и смелую научную идею, В. П. Леонов не свободен от сомнений: согласятся ли профессионалы принять ее? И все же он надеется на понимание, полагая, что «*всматриваясь в душу автора*», читатели, возможно, обнаружат сходство своих мыслей с идеями, изложенными в книге (с. 25). Эту надежду укрепляет знание принципа неконтактного резонанса, благодаря которому поиски автором своего единомышленника не ограничены временными и пространственными рамками: «*люди, жившие в разное время, не знавшие друг друга, высказывают очень сходные мысли, и строй их мышления удивительным образом пересекается*» (с. 35). В беспредельности Космоса книжного мира почти наверняка существует книга, которой назначено стать «детонатором» для другой, еще не написанной. Так, в частности, восприятие В. П. Леоновым книги как субъекта сходно с восприятием произведения искусства В. В. Кандинским (1866–1944): «*Истинное произведение искусства возникает таинственным, загадочным, мистическим образом «из художника». Отделившись от него, оно получает самостоятельную жизнь, становится личностью, самостоятельным духовно дышащим субъектом, ведущим также и материальную жизнь; оно является существом <...>, оно, как каждое существо, обладает дальнейшими созидательными, активными силами. Оно живет, действует и участвует в созидании духовной атмосферы...*»⁶.

Под воздействием воображения, интуиции или иных таинственных сил возникает заочная встреча, в результате которой совершается «*синтез нового знания из материала прошлого опыта*» (с. 40). Реконструкция знания предполагает умение распознавать глубинные смыслы текстов, принципиально значимые для понимания содержания, обнаруживать под их поверхностным слоем другой слой – тот, который отсутствует в тексте непосредственно. Здесь необходима чуткость: «*неадекватная интерпретация... может существенно обеднить или исказить смысл произведения...*» (с. 40). Процесс реконструкции знания имеет сходство с реставрацией древних храмовых фресок, освобождением живописных шедевров древних мастеров от позднейших записей. Реставратор, снимая слой живописи, должен и н т у и -

т и в н о почувствовать тот момент, когда надо остановиться, чтобы не снять больше.

Способность к интуиции автор обозначает словом «*серендипность*» (от английского *serendipity* – способность нечаянным образом совершать счастливые открытия), введенным в литературный обиход писателем XVIII в. Хорасом Уолполом (1717–1797) (с. 41). Благодаря серендипности, можно делать новые открытия на основе уже имеющихся результатов (с. 43). Книжник, пишет В. П. Леонов, обладает обостренным чувством понимания текста, способностью улавливать его скрытый смысл, другими словами, владеет и с к у с с т в о м ч т е н и я .

Среди существующего многообразия видов чтения особое место принадлежит ч т е н и ю п р о ф е с с и о н а л ь н о м у . Говоря о нем, В. П. Леонов не имеет в виду его содержательный аспект или тематическую направленность. Речь идет о чтении как инструменте (средстве) профессиональной деятельности. Пример такого чтения – профессиональное чтение в процессе поиска библиографической информации. У библиографов, как и у любого профессионального читательского сообщества, существуют свои «*способы чтения и обращения с книгой, а также инструменты и процедуры интерпретации*»⁷. Возможно, найдутся скептики, которые скажут, что никому, кроме профессионала, и не придет в голову читать библиографический источник. По собственному «допрофессиональному» опыту знаю: это не так. Достаточно взять с полки любой книготорговый каталог, допустим, первой половины XIX в., чтобы убедиться, что он вполне пригоден для непрофессионального чтения. Даже заглавия рубрик воспринимаются как самостоятельные художественные произведения: «*Человек и все, что от него зависит*», «*Болезни Человеческие и лекарства от них*», «*Женщины знаменитые и иные*», «*Светская Мудрость, или Наставления для мужчин*», «*Различные занятия для Благородных людей, сиречь Дворян*», «*Смеси занятий умственных и телесных*», «*Различные обычаи и образы жизни во всем мироздании*» и т. п.⁸

«*Чтение, направленное на постижение смысла, – пишет В. П. Леонов, – есть акт понимания*» (с. 47). Современная психология рассматривает по-

⁶ Кандинский, В. В. О духовном в искусстве. – М., 1992. – С. 99.

⁷ Шартье, Р. Письменная культура и общество. – М., 2006. – С. 127.

⁸ Там же. – С. 116.

нимание в ряду наиболее актуальных, но до конца не изученных проблем. Достичь абсолютно адекватного понимания практически невозможно, но условия, способствующие пониманию, определены. Необходимое условие достижения понимания – диалог. Диалог – это встреча, общение, понимание. Диалог – это процесс, порой очень драматичный, потому что понимание не есть тождество. Диалог с автором в процессе чтения обогащает читателя духовно. В свою очередь, истинно талантливое произведение с каждым новым его прочтением становится прекраснее. Отмечая этот феномен, В. П. Леонов пишет: *«Роман [«Евгений Онегин»] обогатился эмоциями и впечатлениями всех, кто черпал в нем прелесть, отраду и силу»* (с. 49).

Глубокое чтение нередко становится для вдумчивого читателя источником новой информации. В. П. Леонов приводит множество примеров тех открытий, которые может сделать читатель, обращаясь к, казалось бы, хорошо знакомым еще со школьных лет, хрестоматийным строкам *«Евгения Онегина»* (с. 220–221). *«...Искомый резонанс и скрывающийся за ним смысл, тем сложнее и ценнее для читателя, чем дальше от нас исторически отстоит личность автора»* (с. 52). Свои *«субъективные заметки»* о чтении он завершает идеей создания специализированного курса книговедения, который, по мысли автора, мог бы носить название *«поэтическое книговедение»*. И разъясняет суть идеи: поэтическое книговедение – это *«интуиция, зарождение догадки, подбор... доказательств, ведущих к обогащению читательских предположений»*, это *«средство сохранения памяти»* и, наконец, это *«интенция, намерение настроить свою жизнь на некий смысл...»* (с. 53–54).

Пути развития библиотековедения, библиографии и книговедения определяются вполне конкретными учеными-исследователями, работающими в данной области. В. П. Леонов, используя предложенное И. Берлиным (1909–1997) деление людей на «лис» (*«знают много секретов»*) и «ежей» (*«знают один секрет, «но самый главный»*»), составил список ведущих специалистов в области книжного дела, библиографии и библиотековедения (с. 55). Внимательно изучив оба столбца списка, я задумалась над тем, к какому типу принадлежу я – библиограф-практик. Если принадлежность

к типу «ежей» определяется последовательным стремлением к главной цели, то я – «еж». Но, в то же время, для того, чтобы достичь цели, например, при выполнении библиографической справки, я применяю разные способы (методы) – в зависимости от поисковой ситуации: так и лиса изобретает сотни сложных стратегий, чтобы атаковать ежа. Наверное, библиограф-практик должен быть и «ежом», и «лисой» одновременно, т.е. обладать способностью *«соотносить новое знание с уже имеющимся опытом»* (с. 57).

В. П. Леонов в своей книге, помимо дихотомической, рассматривает варианты иерархической классификации писателей: по В. Б. Шкловскому (1893–1984) (*«Гамбургский счет»*) и по А. П. Чехову (1860–1904) (*«Литературная табель о рангах»*). Тема представляется мне заслуживающей внимания. Ведь поиск в литературных источниках позволяет обнаружить дополнительные сведения о попытках построения иерархических классификаций писателей, поэтов и ученых.

Вторая часть книги В. П. Леонова, названная им *«Вместе»*, посвящена творческому диалогу автора с коллегами и друзьями. Среди них – коллекционеры, реставраторы, библиографы, библиотекари, переплетчики, книгопродавцы. В результате диалога, убежден В. П. Леонов, *«рождается новое представление книжника о самом себе»* (с. 138).

Один из самых ярких собеседников автора – Колин Франклин, библиофил из Оксфорда (Англия). В. П. Леонов представляет читателю перевод эссе Франклина *«Эта игра будет доиграна до конца»* – самостоятельную, и в то же время составляющую единое целое с *«Bisame tucho»*, часть книги.

Текст эссе сложен для прочтения, но вовсе не потому, что он скучен. Напротив, он – завораживающе интересен. Автор характеризует свое произведение как *«историю, имеющую начало, середину и окончание, а возможно, и конец»*, тем самым создавая интригу, разгадка которой, впрочем, проста и грустна...

В процессе чтения у читателя возникает удивительное ощущение сопричастности мыслям и переживаниям автора. Колин Франклин доверительно (и, в то же время, с долей иронии к самому себе) признается в страсти к собирательству книг. Но это признание – не покаяние. В нем выражено желание автора эссе объяснить, прежде всего, себе

самому, а потом и читателю, каким образом эта страсть влияет на мироощущение, образ жизни, характер человека. И так высока степень доверия автора к читателю, и так велико стремление передать чувства трепета и восторга, овладевающие истинным коллекционером-книжником при соприкосновении с Книгой, что читатель легко «заражается» этими чувствами, и ему уже не устоять, как и автору, перед магией тибетских рукописных книг, заглавия которых «вышиты серебряным шелком», и шедевров каллиграфического и переплетного искусства. Но, предостерегая читателя, уже готового вместе с автором погрузиться в пучину всепоглощающей страсти, К. Франклин открывает ему другую, не столь романтическую сторону, книгособирательства. В своем эссе он описывает мир покупателей и книготорговцев – мир, в котором царствуют корысть и обман, а страсть обладания редкой книгой побеждает все остальные чувства...

Важное место в книге занимают проблемы этики. Автор «*Büsame ticho*» обращается к теории «двух этических систем» или парадигм (конфликтной и компромиссной)⁹. Одна парадигма строится на утверждении, что союз Добра со Злом есть Зло («цель не оправдывает средства»), другая – на утверждении, что подобный союз есть Добро («цель оправдывает средства»). Для В. А. Лефевра, автора «Алгебры совести» (книги, на которую ссылается В. П. Леонов) первая этическая система отражает христианскую систему ценностей, а также Западную культуру. Вторая этическая система соответствует архаичным типам общества, тоталитарным системам.

По Лефевру, моральный статус личности зависит от корректности оценки себя и других, а также от сопротивления индивида искушениям среды: чем более индивид сопротивляется искушениям среды, тем выше его моральный статус. Способность к вынесению субъективных оценок окружающей действительности и самому себе – сущностный признак человека, возвышающий его над природным и социальным миром. Подобное возвышение означает принципиальную несводимость личности к наличному: индивид не поглощается социу-

мом, не растворяется в коллективности, а сохраняет свою индивидуальность.

В обществе, где действует вторая этическая система, уважение к личности, индивидуальности – редкое явление, а потому там преобладает бескомпромиссность в сочетании с необоснованной амбициозностью. При этом часто «аргументом» в спорах является ссылка на пресловутое общественное мнение. «*Дело в существовании все той же архаичной структуры, которая формировалась десятилетиями...*», – пишет В. П. Леонов (с. 65). И все же, добавляет он, нельзя терять надежду, что настанет время, когда «*компромисс в научных взаимоотношениях... станет, по гамбургскому счету, нормой сотрудничества на всех уровнях*» (с. 66).

Оказываясь в ситуации морального выбора, человек действует в зависимости от имеющихся у него стимулов-установок. Моральный поступок предполагает способность человека выбирать между добром и злом. Существенную роль играют нравственные ценности, определяющие нравственную позицию личности.

Предлагая читателю представить себя в конкретной ситуации морального выбора, В. П. Леонов убедительно показывает, что в обществе со второй этической системой нет процедуры разрешения конфликта, сохраняющей честь и достоинство его участников. Конфликт либо заканчивается победой одной из сторон, либо прекращается вышестоящей инстанцией. Пожар в Библиотеке Академии наук в феврале 1988 г. привел к конфликту, который в условиях «второй этической системы» мог закончиться трагедией, и только благодаря собственным личностным качествам – стойкости, умению противостоять искушениям среды и находить единственно верные решения в сложнейших ситуациях морального выбора – директору БАН удалось преодолеть последствия пожара и отстоять свое доброе имя¹⁰.

Одна из главных проблем современного состояния изучения книги, по мнению Леонова, состоит в том, что «*существует не одна, а много наук, и каждая из них по ряду причин не удовлетворяет ученых, принадлежащих к другим школам*» (с. 75).

⁹ Лефевр, В. А. Алгебра совести / пер. со 2-го англ. изд. с доп. [Викторины Лефевр и Елены Юдиной]. – М.: Когито-Центр, 2003. – XI, 411, [2] с.

¹⁰ Подробно об этом см.: Леонов, В. П. Библиотечный синдром: записки директора БАН. – СПб.: ОБЛИК, 1996. – 629 с.

От себя замечу, что попытки объединить библиотекведение, библиографоведение и книговедение под знаменем документологии не привели ее апологетов к успеху.

В. П. Леонов видит перспективы развития науки о книге в разумном сочетании существующих концепций с глубиной проникновения в суть проблем, а также в реконструкции прошлого книжной культуры на основе современных научных представлений. При этом не суть важно, какой концепции придерживается ученый. Важно, чтобы он оставался реалистом. Даже свою, на первый взгляд, совершенно фантастическую версию происхождения книги (книга – «космический субъект»), автор предваряет доказательным рассуждением о том, что даже в сказках, где многое дозволено, присутствует реальность; иначе сказка теряет свой смысл. Какими бы причудливыми не казались сказки, они непременно связаны с действительностью.

Как и сказка, научный миф также, пишет В. П. Леонов, «конструирует особый склад мышления, создает историю прошлого и служит руководством на пути в будущее». Но для того, чтобы сыграть свою роль «магического кристалла», миф должен быть «простым, ясным, последовательным и выразить некий здравый смысл современной эпохи» (с. 76), т.е. опираться на предыдущий опыт, учитывать эволюционный путь книжной культуры. Эпоха Гутенберга не может закончиться, т.к. она навсегда стала частью ныне существующей книжной культуры. У тех, кто игнорирует реальность этого факта, принимаемого истинными книжниками как данность, «знания бессистемны, содержат существенные пробелы, логически непоследовательны, а потому ошибочны» (с. 77).

Автор «*Büsame ticho*» пишет: «Сегодня книжная культура столкнулась с самым, может быть, сильным за всю историю вызовом. Он совпал с общим материальным и духовным кризисом, резко надломившим национальное самосознание. Усилился раскол между глубинными ценностями отечественной культуры и реальностью, обозначившей новый этап истории. Я пишу это для того, чтобы еще раз подчеркнуть: нам, посвятившим свою жизнь служению книге, брошен вызов, на который надо ответить» (с. 78–79). И Леонов принимает этот вызов, выдвигая собственную гипотезу изучения книги и книжной культуры. Её важнейшая составляющая – представление о том, что

«настоящее и будущее мира книги, мира книжной культуры отбираются прошлым» (с. 82). Без взгляда в прошлое невозможно построение современного фундамента научной теории книговедения.

Используя принцип «неконтактного резонанса», ученый из множества имен тех, кто писал о будущем печатного слова, книги, Вселенной книг, выбирает, пожалуй, самых незаурядных авторов: Веллимира Хлебникова (1885–1922) и Маршалла Маклюэна (1911–1980). «Первый, в России рассуждал о Небокниге и Тенекниге в утопии «Лебедия будущего» в 1919 году, второй, в Канаде – о судьбе Галактики Гутенберга в 1962-м» (с. 83). Сходство концепций обоих авторов несомненно: в основе каждой из них лежит представление о том, что «развитие человеческого общества, в первую очередь, определяется развитием средств коммуникации, причем основное воздействие средство коммуникации осуществляет не передаваемым смысловым содержанием, а своими принципами организации, внутренней структурой» (с. 88–89).

Вопрос о том, что будет с книгой, найдет ли она свое место в новой информационно-коммуникационной среде периодически обсуждается, начиная с середины XX в. Размышлениям о будущем книги посвящали и посвящают свои труды многие авторы.

Сейчас уже очевидно, что распространение электронной книги не приведет к гибели книги печатной, как и сама печатная книга не преградила дорогу слову рукописному и устному. В. П. Леонов, интерпретируя «послание» М. Маклюэна, обращает внимание на его основную идею: «создавая и применяя различные технологии, человек постоянно изменяется под их воздействием» (с. 90). Таким образом, каждый последующий этап современной информационной революции непременно включает в себя технологии всех предыдущих. Каждая новая стадия развития способов устной и письменной коммуникации сосуществует с уже имеющимися, вступая с ними во все более сложное взаимодействие. Чем стремительнее смена технологий, тем острее необходимость осмысления их влияния на человека и окружающий мир, в том числе – мир книжной культуры. Но если исследователи будут продолжать рассматривать стадии развития способов устной и письменной коммуникации последовательно и независимо друг от друга, углубляясь в особенности каждого из них,

фундамент библіотеко- библиографо- и книговедения, подчеркивает В. П. Леонов, так никогда и не будет достроен до конца (с. 93).

Процесс познания, отмечает ученый, имеет два направления и развивается не только по восходящей, но и по нисходящей линии. Тогда память, которую сначала понимают как повторение, в конечном счете, воспринимается как воспоминание.

Мне представляется уместным привести здесь цитату из статьи филолога Т. А. Касаткиной «Литература после конца времен»:

«Будущее определено и линейно, то есть поступательно, прогрессивно и т.д., лишь при условии прошлого, взятого как базовое время, как точка отсчета; будущее можно понять как целестремительное движение лишь при условии взгляда, обращенного в прошлое. В противном случае (вне своей однозначной воплощенности в качестве «будущего прошлого») будущее ветвится возможностями и вариантами, теряет поступательность, растекаясь в невоплощенной равнозначности, болотом обступает человека, теряя качество всякого пути (а не только ведущего к светлым вершинам). Мало этого, как уже известно из нашего недавнего опыта, при базовом будущем само прошлое становится вариативно, неопределенно и недостоверно... Видеть что-либо в какой-либо перспективе (даже в перспективе болота) мы вообще можем только глядя в прошлое. Повернувшись лицом к будущему, мы оказываемся перед концом, и это ощущение завершенности, эсхатологичности (от греч. – крайний, последний, самый отдаленный) оказывалось свойственно любой культуре, довершившей этот поворот»¹¹.

¹¹ Касаткина, Т. А. Литература после конца времен [Электронный ресурс] // Новый мир. – 2000. – № 6. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/6/kasat.html

Возможно ли представить интеллектуальное общество будущего? Существует ли средство, позволяющее это сделать? Да, отвечает В. П. Леонов, существует: это мелодия *Büsame mucho*. И будущее прекрасно, как сама мелодия. Наступит единение Человека и Вселенной, Книга и Человек предстанут как космические субъекты, и «книжник... пожнет всю Вселенную» (с. 74).

При чтении «*Büsame mucho*» у меня складывается впечатление, что последнее уже почти удалось осуществить автору книги. Её текст метафоричен, насыщен информацией, чтение которого порождает бесконечный ряд ассоциаций. Многочисленные ссылки сопровождаются обширными комментариями, вызывающими желание немедленно ознакомиться с упомянутой в них книгой или статьей. На страницах «*Büsame mucho*» встречаются как реальные лица – книжники, ученые, писатели, поэты (в списке имен в конце книги – более 500 фамилий), так и литературные персонажи. Читая книгу, чувствуешь, как расширяется пространство текста, как он приобретает все новые и новые пространственные измерения.

Но, кроме пространственных, текст «*Büsame mucho*» имеет и другие характеристики. Он отличается высокой информативной «плотностью». В Древнем Египте качество тканей определялось путем измерения количества переплетений нитей на единице площади. Чем больше переплетений и плотнее ткань, тем выше она ценится. Неленивые и вдумчивые читатели «*Büsame mucho*», несомненно, будут вознаграждены: на каждой странице книги их ждут открытия, которые способны обогатить не только интеллект, но и душу.